

История ищет жутку

Позвонила подруга Ирка — его жена. Вот, говорит, поругались — такой он, сякой-раздакий...
— Ир, — говорю, — раз он такой-раздакий, чего ж ты с ним 18 лет живешь? —
— Да как же мне с ним не жить? — изумилась подруга. — Я ж люблю его! Я же жить не могу без него! Да если его рядом не будет, как я дышать-то буду?... Хотя и такой он, и сякой, и раздакий! Ну, думаю, дела-а-а... Ведь столько лет общаюсь с этой семьей — и все понять не могу: какой он такой-раздакий?..

только две божественные вещи: музыка и женщины. Вы такие все... хоть и слабым полом зоветесь. Да какой вы слабый пол? Вы — сильный пол, при творщицы. Это мужики — слабый пол.
— Полноте, Александр Шалвович! Какой же конкретно вы — слабый? Пороховщиков у нескольких поколений ассоциируется с настоящей мужественностью...
— Да какая мужественность? Я обыкновенный, нормальный мужик. Я естественный. Я не играю. Не нужно на себя надевать маску Джеймса Бонда. Человек же не может все уметь и все знать. Вот мне 60, а я чувствую, что все еще ребенок. Я до сих пор всему удивляюсь. И это хорошо: я счастлив, что во мне сохранился хулиган. Я же в юности такой бандюга и шпана был, что не приведи Господи! Драчун был жуткий. Иногда такие фокусы вытворял... Покая никому не было.
— И как это сочеталось с описанным воспитанием поколений Пороховщиковых?
— Сочеталось. Раньше шпана-то была другая. У нас тогда если мальчик с девочкой встречался, так все гордились этим: сто человек шпаны всяко-разного возраста по улице идет, а впереди — они вдвоем. И не приведи Господи, если кто их обидит, — такое трепетное отношение к девушкам было! Чтобы обидеть женщину или ребенка — то, что сейчас происходит везде, — да ты что! Такого и быть не могло.
Я сейчас, когда вспоминаю детство, думаю: «Я ли это был?» Ходил вот с такими длинными локонами (я же не всегда лысым был). Манжеты. Ранец за спиной. По-немецки говорил, как порусски. Французский хорошо знал. А сейчас двух

Фото ИТАР-ТАСС.

А я, например, до сих пор не могу понять: как это лампочка умудряется гореть? Электроны, нейтроны — это все понятно. Но как все-таки она горит? Меня удивляют искренние актеры. Сейчас — все в масках, в панцире, ни одного слова в простоте... Мне очень многих актеров просто-напросто жалко: казалось бы, известные, знаменитые, но совершенно неискренние ни на сцене, ни в жизни. И всегда хочется сказать так: давай посидим где-нибудь, чтобы я мог наконец-то увидеть и понять, кто вы такой, Мистер Х... Я вот поражаюсь замечательной Люсе Гурченко. Ты в «Старых стенах» ее видела? На всю жизнь запомню ее игру. Вот это актриса! Потрясающая! Для меня искренность на сцене и в жизни неразделима. Можно великолепно сыграть Ромео, а потом выйти на улицу и ударить ребенка, который стучит по фаре твоего автомобиля. Я столько видел таких актеров! Все это только разочаровывает.
— Я удивляюсь, Александр Шалвович, — вам же не 16 лет. Вас все еще разочаровывают подобные вещи?
— Да я вижу людей с первой встречи насквозь! Но меня мама как учила? Угадай в человеке самое хорошее, а дерьмо и так всплывет. А разочарования почему у меня бывают? Потому что иногда веришь человеку, открываешь ему душу, не играешь с ним, а он начинает тебя предавать. И часто — даже неосознанно предавать.
— Но вы можете простить это «неосознанное»?
— Нет. Нет...
— А вы сами не поступали по отношению к близким людям как-то «неосознанно»?
— Ни разу в жизни. Я никогда никого не предавал, не воровал, не унижал. Я очень мирный человек и стараюсь никого не обижать.
— Вы злопамятный?
— Я — злопамятный? Ни в коем случае. Я вообще не понимаю злости. Ярость — да. Когда я в ярости — снесу все: хоть режь меня, расчлени, не могу справиться с собой.
— Из-за чего вы можете так завестись?
— Когда обижают слабого. Как можно убить ребенка или выстрелить в голову старухе?!
— Что же тогда вы будете делать, если вдруг, как вы говорите, начнется война? Будете сидеть дома?
— Как это так — сидеть дома?! Кто это сказал? Нет, голубушка! Воевать буду со злодеями. Я и сейчас с ними воюю.
— По-вашему, злодей — тот, кто обижает слабого. А война-то бывает исключительно по политическим разногласиям...
— Злодеи и по политическим идеям могут быть.
— В таком случае, по-вашему, кто был Павлик Морозов?
— Мерзость. Мерз-о-сть.
Вот меня «Мать» Горького потрясла. Помнишь, там есть сцена, где Ниловна говорит: «За чем же вы Исайю-то убили? Он же маленький, плюгавенький». И ей отвечают: «А пусть он за нами не следит. За идею, за товарища мы кого хочешь убьем, хоть сына». Вдумайся только: за идею... за товарища... кого хочешь убьем — хоть сына!.. Я не знаю — я за идею не смогу убить сына. Это бред.
— Вот уж если у нас разговор так далеко зашел — про предательство и все такое... Вот скажите мне: правда ли, что вы в связи с кризисом потеряли людей близких? Мне жена ваша рассказывала: говорит, многие просто ушли из вашей жизни...
— Ирочка — максималистка. Я ей на такие вещи говорю: да не вини этих людей! Они на этом кризисе стали миллионерами и захотели другой жизни, другого общения, других людей. Это не вина их — это их беда. Бог все видит. Я вот перед тобой сижу в старой рваной куртке — я могу в ней всю жизнь просидеть. И мне никто «фэ» не скажет. Я никому зла не делал. Никого не убил. Не предал. Ни над кем не издевался. Кто мне вообще может что-то предьявить? Какой счет выставить? И я таким был, есть и буду.
Вот только мамы мне очень не хватает. Тяжело мне без нее, понимаю. Потому что для меня мать — ну, я не могу... я даже объяснить этого не могу. Мир перевернулся. Только благодаря тому, что в моей жизни есть Ирка, я и живу.
— А хорошо это — воспитать для себя жену? Вы ведь с Ирой познакомились, когда ей было 15...
— Да-да, маленькая совсем. Я просто в нее влюбился. Встретил родного, близкого мне человека. Я не ханжа: у меня была масса женщин — я иногда ей говорю: «Ты еще на свет-то не родилась, когда мне стало скучно с вашим братом». Да, у меня было много женщин, но я искал одну. Я ждал ту, которая меня потрясет и скрутит по рукам и ногам. И надо же: вот эта маленькая, в очках... И я ее никогда не воспитывал. И не воспитываю. Я просто ее люблю. Несмотря на разницу в возрасте и сложности — да, и ссоримся, и скандалы у нас бывают...
— Ну, как у всех...
— Как у всех?... Эти скандалы — они, понимаешь, мне счастье приносят. Это такие скандалы — ну просто счастье, настоящее счастье! Потому что в Ирке есть колоссальное качество: она чиста как родник. И слава Богу, что мне удалось сохранить ее такой и уберечь от кривых дорог. Вот в этом — да, моя заслуга. Потому что в жизни столько грязи... Я всегда говорю: на свете существуют только Он и Она. Все остальное — чушь...
— А говорят, что для мужчины на первом месте работа, а потом — все остальное...
— Кто это говорит? Вот пусть они и работают. А я люблю жить. Любить хочу! Если в моей жизни будет любовь, я горы сверну. Горы! И если бы люди любили, целовались, рожали бы детей — жизнь бы другая была. А то мы — как извозчики: вкалываем, вкалываем и ничего вокруг больше не замечаем. Мы для чего вообще живем?..

Вика САРЫКИНА.

Вот его фамильный особняк на Старом Арбате: раньше там его прадеды жили, а теперь развалившееся здание, памятник архитектуры, власти передали в аренду Пороховщикову. Вот огромное старинное зеркало в пыли. В зеркале отражается окно (за которым валит снег), я в шубе (потому как холодно очень внутри этого старинного здания) и сам герой. Он наливает дорожный французский коньяк, который ему по случаю грядущего 60-летнего юбилея принесли энтузиасты.
Пороховщиков рассказывает о том, что он мечтает в этом особняке сделать. И про то, как мало на это финансовых возможностей и много нечистоплотных людей, положивших глаз на «фамильное достояние». А ему так хочется сделать здесь клуб. И ресторан хороший. И галерею. И еще часовенку поставить.
— Я же не собираюсь выпендриваться: «Ах, высокое искусство!», «Ах, это, ах, то!». Зачем, ну?! Я как чувствую, так и говорю. Когда хреново на душе...
— Это почему же вам хреново?
— А чего хорошего-то? Посмотри, что творится! Живем же на грани войны... Я тебе сейчас одну историю расскажу. Едем мы как-то в Ленинград на машине. Несемся, чтобы успеть к утреннему спектаклю. Утро, мост, скорость — 120, а на встречу — фура. Из-за нее вдруг вылетает такой же, как и я, и обгоняет. Я даже подумать ни о чем не успел — только заметил зрачки несущегося на меня водителя. В самый последний момент повернул руль — машина эта пролетела, снесла мне зеркало — вжик!.. Это верная смерть была — лобовое столкновение. Я остановил машину. Сидим молча. Мокрое, один из присутствующих даже описался. А рядом со мной сидел... нет, не буду называть его фамилию... он говорит: «Да чего вы все? Что вы как бабы? Да подумайте...» Я говорю: «Помолчи». А через два километра этот человек начал кричать: «Стойте! Стойте!» Открывает дверь — и его начинает рвать. До него, толстокожего, только позже дошло, чем могло все закончиться...
Вот так и народ у нас сейчас — толстокожий. Живем же на грани войны, а все хохлим, бегаем, прыгаем, на тусовки всякие ходим... Да ты посмотри, что вокруг творится! Бред какой-то.

Ужас, ужас...
— Александр Шалвович, да как же можно так об этом говорить? Вы так спокойно о войне рассуждаете!
— А я ничего не боюсь. Я никому зла никогда не делал. Я совершенно вне политики. Ну что? Я даже этим мафиозным ребятам говорю: «Каждый по-своему в этой жизни крутится. Я так, как вы, не могу и не хочу». Я не возьму оружие, чтобы убивать ради денег.
— К вам и такие ребятки приходят?
— Были такие, которые прямо здесь раскладывали стопки денег и говорили: «Давай и мы в долю войдем». Какая доля? Да это здание государственное. Мне его просто дали в аренду. И то потому, что мой прадед был его хозяином.
— Ведь у вас какие-то супераристократические корни?
— Да никакие не супер... Мои предки были обыкновенными столбовыми дворянами.
— Когда вы об этом узнали?
— Я всегда об этом знал. Терять свои корни — то же самое, что терять память. Пойми меня правильно, но у меня в жизни есть правила, нарушать которые я не имею права. Я не безупречен, у меня тысячи пороков. Но я не смогу перейти грань, за которой я потеряю свое прошлое. Или себя самого. Я думаю, каждый человек должен опираться на прошлое. Мои предки были интереснейшими людьми, они России очень во многом помогали, и я горжусь тем, что они для страны сделали. Они были очень честными людьми — в основе воспитания поколений лежала доброта.
Вот как можно жить без доброты? Я не понимаю. Как вот можно прожить день, чтобы меня по лысине кто-нибудь не погладил? Я сразу подыхаю. Или тебе вот ручку не поцеловать? Или женщине какой-нибудь не сказать: «Какая вы великолепная!»? Я в магазин захожу, продащице говорю: «Какая вы прекрасная, какая вы очаровательная...» Я воспитан так. Ирка начинает иногда: «Вот бабник!» Да какой я бабник? Я воспитан так. Никто из женщин не знает, кто мне нравится. Мне все нравятся, а кому я предпочтение делаю, никто не знает, понимаете? А потом, женщины — они же все такие разные. Это мужики все похожи, а женщины — это создания, которые объяснить невозможно. Я вообще считаю, что на свете

слов не могу связать. Все забыл. Почему? Потому что среда меняется. Я, например, с трудом отвык от мата. Я раньше с друзьями мог только матом разговаривать: рос-то на улице. Сейчас на некоторых пижонов смотрю и думаю: «Ну что ж вы материтесь? Что вы в этом понимаете?» Для них мат — это игра в крутых. А мы-то не играли. Это была среда, а мат был языком улицы. Но я вспоминаю то время... Какие друзья тогда были! Уж если у тебя был друг, так это был настоящий друг. А сейчас на каждом шагу — предательства. Дунешь — и улетит. Гнилые люди стали.
— Кто же для вас «не гнилой»?
— Если человек не обладает добротой, он просто для меня не существует. Без доброты я не воспринимаю человека. А доброта — это удел сильных людей. К сожалению, добрым тяжело жить.
— Что вы потеряли к 60 годам?
— Понимаешь, детка, из жизни у меня ушло самое дорогое — моя мама. Она для меня была идеалом во всем. После ее смерти для меня все кончилось. Жизнь кончилась. Я не стесняюсь об этом говорить. У меня каждый день бывают моменты, когда я рыдаю так, что другим просто страшно становится. И только Ирка... только благодаря тому, что она существует, эта малявка, вокруг меня еще вертится жизнь.
Меня недавно Витя Мережко спросил: вот, мол, у тебя юбилей — кто-то устраивает крутой праздник по этому поводу, кто-то грустит, а что в этом хорошего, в 60 годах?.. Я говорю: «Ты пойми, я отношусь к тем людям, которые говорят: вот и старость — о, счастье!» Счастье — в том, что я ближе и ближе к тем людям, которые от меня когда-то ушли. Я глубоко верующий человек и верю в то, что жизнь существует вечно.
— А разве мужчины могут чувствовать себя старыми?
— А я не чувствую себя старым. В моем понятии старость — это когда ты перестаешь удивляться. Она может прийти и в 20 лет, и в 30. Иногда смотришь на «молодого старичка» и думаешь: почему же он чувствует себя таким старым? Да потому, что он вообразил, что познал уже все в жизни. Хотя, может, и из Москвы никогда не уезжал. Вон посмотрю на некоторых наших певцов: собирают стадионы и думают, что это и есть мир.

5.2.99.
Пороховщиков Александр Шалвович